

26.00.01 Теология

УДК 297.1

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-53-68

И. А. Зарипов

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ФИҚХ АЛ-АЗМА: КРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БОГОСЛОВСКИМ ДИСКУРСОМ В СИРИИ

ЗАРИПОВ Ислам Амирович —

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.

Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН
(107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: islamzarif@gmail.com

Аннотация. В условиях продолжающейся гражданской войны в Сирии официальное мусульманское духовенство страны, представленное Министерством по делам вакфов, разработало целый ряд богословско-правовых постановлений по наиболее актуальным вопросам, объединенных общим названием *фиқх ал-азма* «кризисное богословие». Особое внимание в них уделяется вопросам критики такфиризма, безмазхабности, национализма, разъяснению смысла *джихада*, запретности бунтов и революций, религиозной легитимности национального государства, межрелигиозного и межконфессионального диалога и сотрудничества в рамках одной страны, разграничение понятий исламской политики и политического ислама. В настоящем исследовании проводится анализ источников и методологии построения этого теологического концепта, являющего собой, по словам самих разработчиков, пример умеренного обновления (*таджид*) исламского богословского дискурса, основная цель которого — противостояние *фиқх ал-фитна* «богословию смуты», проповедуемому различными экстремистскими группировками. В работе также рассматривается пример одного из наиболее оригинальных исследований — о принципах гражданственности (*муваџана*) согласно исламу, которое во многом вбирает в себя основные черты всего концепта сирийского кризисного богословия.

Ключевые слова: *фиqh ал-азма*, ислам и политика, ислам в Сирии, государственно-исламские отношения, исламская теология.

Для цитирования: *Зарипов И. А. Фиqh ал-азма: кризисное управление богословским дискурсом в Сирии // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20. № 1: 53–68*

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-53-68

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023

Статья принята к публикации: 03.02.2024

Введение

Для традиционных арабо-мусульманских сообществ прямая религиозная легитимация даже при построении весьма секулярных политических систем была чрезвычайно важна. Например, даже арабские социалисты, помимо всего прочего, пытались оправдать свои взгляды отсылкой к Корану и *Сунне*¹. В современную же эпоху глобализма, акторами которого в рассматриваемом регионе выступают транснациональные квазиисламистские группировки, обращение правящих режимов к богословскому дискурсу приобрело особую значимость². Это выражается как в попытках создания альтернативных международных религиозных центров так называемого умеренного ислама типа кувейтской «Васатийа» или эмиратского «Всемирного совета мусульманских общин», так и в конструировании национальных богословских концепций, обосновывающих легитимность государственных систем, правящих режимов и их политики³. Последнее стало особенно актуально для Сирии, где в ходе продолжающейся с 2011 г. гражданской войны исламский фактор широко используется всеми сторонами конфликта⁴.

¹ См., например: *Enayat, H. Islam and Socialism in Egypt // Middle Eastern Studies. 1968. Vol. 4. No. 2. Pp. 141–172; Lewy G. The Egyptian Revolution: Nasserism and Islam. A Study in Comparative Politics and Religion. Technical Report No. 5. March 1968. [Электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/DTIC_AD0676219 (дата обращения: 17.01.2024); *Darwish H. Islam and State Relations in Egypt: Containment and Appropriation as a Source of Political Authority. IDE Discussion Paper No. 841. March 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Reports/Dp/841.html> (дата обращения: 17.01.2024).**

² Более подробно об этом, например, см.: *Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven: Yale University Press, 2016. 328 p.; Volpi F., Stein E. Islamism and the state after the Arab uprisings: Between people power and state power // After the Arab Uprisings. London: Routledge, 2016. Pp. 276–293; Grinin L. Islamism and Globalization // Journal of Globalization Studies. № 2. Pp. 21–36.*

³ См.: *Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Сер. 12: «Политические науки». 2013. № 4. С. 30–56.*

⁴ О государственно-исламских отношениях в Сирии см.: *Кузнецов В. А. Государство и ислам в Сирии: эволюция практик управления в период независимости // ЭНОЖ «История». 2023. № 10.*

Дорожная карта проповеднической и наставнической деятельности

Еще в самом начале кризиса в ходе встреч президента Сирии Башара Асада с мусульманскими богословами страны им был высказан целый ряд идей, которые в последующем были восприняты официальным духовенством, по их собственным словам, в качестве «дорожной карты проповеднической и наставнической деятельности в условиях кризиса». Сами богословы выделили из речей президента 16 приоритетных пунктов:

1. Преодоление навязываемой Западом межконфессиональной смуты посредством разъяснения правильного понимания религии.
2. Важность детального изучения и точности в передаче религиозных понятий во имя сохранения вероубеждения, религии и родины.
3. Отстранение от политического ислама есть самое великое служение проповеди ислама. Наш девиз: «Мы – мусульмане, но мы не исламисты (*ислāмийун*)».
4. Разработка кризисного богословия (*фиqh ал-азма*) в качестве противодействия богословию смуты (*фиqh ал-фитна*).
5. Следовать Корану необходимо через призму разума и науки, акцентируя внимание на образе жизни и морали; разум — главное, что необходимо для верного прочтения Корана.
6. Борьба с безнравственностью как главной причиной современного кризиса.
7. Сосредоточение внимания на образе жизни пророка Мухаммада, а не просто заучивание его слов.
8. Сохранение единства страны и ее потенциала есть гражданская и религиозная обязанность (*вāджиб*).
9. Национальное единство как фундамент стойкости сирийского общества в противостоянии врагам.
10. Важная роль минбаров мечетей в деле идеологического воспитания.
11. Важность объективного и конструктивного диалога в достижении истины.
12. Арабское происхождение и ислам — две неделимые опоры для сохранения и единства сирийского общества, любая попытка их разделения есть заговор.
13. Благополучие в семье есть благополучие в умме и в Отчизне.
14. Шариатские школы и институты — крепость религии и Отчизны.
15. Важная роль Леванта в защите ислама.

16. Большая ответственность богословов и проповедников в условиях современного кризиса¹.

Кризисное богословие vs богословие смуты

Во многом все эти 16 пунктов дорожной карты можно свести к формулированию концепта кризисного богословия (*фиқх ал-азма*), которое должно противостоять богословию смуты (*фиқх ал-фитна*), проповедующему различными экстремистскими группировками. Б. Асад сказал о нем: «Когда мы вначале столкнулись с богословием смуты, то у нас не было против него интеллектуального оружия. Мы полагались на добрые намерения, на те идеи, которые были у каждого из религиозных деятелей, ученых и проповедников Сирии, однако у нас не было богословия (*фиқх*) в полном смысле этого слова против этой смуты. Теперь у нас есть кризисное богословие, которое противопоставит богословию смуты. Его обязательно нужно развивать и совершенствовать, причем это развитие должно соответствовать развитию общества. [...] И это очень хорошо, что оно было сформулировано не государством, а самими богословами, которые сегодня присутствуют в этом зале. И это — достижение не только в области шариата, но в общенациональном масштабе, ибо это богословие будет защищать нашу страну. Движение в этом направлении очень важно, и мы еще поговорим о создании специальной инстанции в смысле религиозной организации [для этого]»². Создание в 2018 г. Научно-богословского совета Министерства вакфов, которому в 2021 г. была передана вся полнота духовной власти в стране, по сути, и стало воплощением этой идеи.

Ведь ранее, в 2014 г., именно Министерство по делам вакфов издало 4-томный сборник богословско-правовых исследований под общим названием *Фикх ал-‘азма: ал-ислам байна ал-мафахим ва ал-мусталахат* («Кризисное богословие: ислам среди концепций и терминов»), который до сих пор остается единственным трудом, так или иначе раскрывающим суть этой концепции.

Составителем сборника выступил Научно-богословский комитет (*Ал-Ладжна ал-‘илмийя ал- фиқхийя*), являвшийся, по сути, предтечей созданного в 2018 г. одноименного Совета. Однако ни имена его членов, ни редакторы, ни авторы конкретных исследований в труде не указаны. При этом в общей сложности 13 отдельных глав в различных разделах представляют собой выдержки из публикаций и выступлений убитого в результате теракта в 2013 г. наиболее известного сирийского суннитского богослова Саида Рамадана ал-Бути (1929–2013). На протяжении многих лет он последовательно

¹ Фикх ал-азма: ал-ислам байна ал-мафахим ва ал-мусталахат. Дамаск, 2014. Т. 3. С. 9–10.

² Там же. С. 11–12.

отстаивал идеи мазхабического ислама и лояльности режиму Асадов. Еще в 1979 г. он осудил восстание «Братьев-мусульман»¹ в Сирии и подтвердил свою позицию в 2011 г., категорически раскритиковав восставших. На протяжении десятка лет Бути возглавлял Союз богословов Леванта, с 2008 г. был главным проповедником мечети Омейядов в Дамаске, а также ведущим нескольких передач на центральных каналах сирийского телевидения и автором более 60 книг². Один из журналистов ВВС назвал его вторым самым узнаваемым человеком в Сирии после президента.

Еще 2 главы в различных исследованиях представляют собой выдержки из работ другого сирийского богослова — Мухаммада Ясира ал-Кудмани (р. 1962), который в настоящее время является членом Союза богословов Леванта и проповедником нескольких дамасских мечетей³. 1-я глава является фрагментом из книги одного из учителей Бути — Хасана Хабнаки ал-Майдани (1908–1978)⁴. Однако наибольшее внимание привлекают помещенные в разных разделах две главы из книг египетского богослова Мухаммада ал-Газали (1917–1996), которого относят к реформистскому лагерю⁵.

На этих богословов также достаточно часто ссылаются и в других главах, в которых не указаны авторы. Из современных мыслителей там есть ссылки на сирийца Абд ал-Гани ад-Даккара (1916–2002), египтянина аш-Ша‘рави, иракца Абд ал-Карима Зайдана (1921–2014) и ливанца шиита Мухаммада Джаввада Мугнийи.

Однако в большей степени авторы *Фикх ал-азма* используют первоисточники — Коран и многочисленные своды хадисов, в т. ч. большое количество внеканонических, а также классические работы — тафсиры Табари и Куртуби, *Сиру* Ибн Хишама, *Ихйа* Газали, *Хильят ал-авлия ва табакат ал-асфийа* Абу Нуайма ал-Исфахани (ум. 1038), *Ал-Бидайа ва-н-нихайа* Ибн Касира, работы Ибн Хаджара, Захаби, Сайф ад-дина ал-Амиди (ум. 1233), Шаха Валиуллаха ад-Дахлави (ум. 1762). В ряде глав есть отсылки к Кувейтской энциклопедии фикха, словарям философских терминов, а также исторические и политологические исследования арабских и европейских авторов.

¹ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года организация признана террористической и деятельность её на территории Российской Федерации запрещена.

² Ал-‘аллама Мухаммад Са‘ид Рамадан ал-Бути: ас-сира аз-затийа [Электронный ресурс] // URL: https://www.naseemalsham.com/persons/muhammad_said_ramadan_al_bouti/biography (дата обращения: 17.01.2024).

³ Аш-шайх Мухаммад Йасир ал-Кудмани: ас-сира аз-затийа [Электронный ресурс] // URL: https://www.naseemalsham.com/persons/yasser_kudmani (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Хасан Хабнака ал-Майдани. [Электронный ресурс] // URL: <https://tipyan.com/hassan-habnaka/> (дата обращения: 17.01.2024).

⁵ Мухаммад ал-Газали... ‘алим муджаддид нахид ал-истибад ва-л-джахл. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/2016/10/23/%D9%85%D8%AD%D9%85%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%BA%D8%B2%D8%A7%D9%84%D9%8A-%D8%B9%D8%A7%D9%84%D9%85-%D9%85%D8%AC%D8%AF%D8%AF-%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%B6-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%A8%D8%AF%D8%A7%D8%AF> (дата обращения: 17.01.2024).

Вместе с этим, критикуя учение «Братьев-мусульман»¹, богословы сирийского Министерства вакфов много цитируют основателя движения Хасана ал-Банну (1906–1949) и ряд других их апологетов. Опровергая учение ваххабизма, они приводят мнения их авторитетов — Ибн База, Албани, Фавзана и Ибн ‘Усаймина, указывая, что все они категорически запрещают слушание правителю и любые противозаконные действия на территории Саудовской Аравии². При этом необходимо отметить, что эта страна, наряду с США, несколько раз называется в многотомнике главным организатором раскола мусульманского мира, и Сирии в частности. Главным же идеологом этого, «шейхом фитны», объявляется катарский богослов Йусуф ал-Карадави³, которому, помимо прочих обвинений, ставят в укор непоследовательность в вопросе суннитско-шиитского диалога и такфиризма. Разоблачение последней проблемы строится на цитировании почитаемых ваххабитами средневековых авторитетов Ибн Таймийи и его ученика Ибн ал-Каййима, которые считали обвинение какой-либо группы мусульман в неверии недопустимым нововведением (*бид‘а*), а также категорически запрещали смуту и выступление против правителя, даже если он распутник⁴.

Обновление (*тадждид*) исламского богословского дискурса: направления и границы

В книге отсутствует описание методологии представленных исследований и самого концепта. Построены ли они на основе традиционных правил изыскания в рамках одного мазхаба, к следованию которому авторы призывают читателей, или же представляют собой более широкий *иджтихād*? Прояснить этот вопрос отчасти помогает глава о направлениях и границах обновления исламского богословского дискурса, представленного, правда, лишь в 3-м томе.

Здесь идеологи *Фикх ал-азма* указывают на крайнюю необходимость обновления религиозного дискурса в силу того кризиса, в котором погрязло современное мировое мусульманское сообщество, оказавшееся на обочине исторического процесса и не выполняющее возложенной на него миссии духовного лидерства. К причинам необходимости обновления они также относят постоянное развитие общества и вызовы

¹ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года организация признана террористической и деятельность её на территории Российской Федерации запрещена.

² Фикх ал-азма: ал-ислам байна ал-мафахим ва ал-мусталахат. Т. 3. С. 45–55.

³ Мухетдинов Д. В. Вклад Юсуфа ал-Карадави в современный исламский дискурс // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 3. С. 57–72.

⁴ Фикх ал-азма: ал-ислам байна ал-мафахим ва ал-мусталахат. Т. 1. С. 313.

глобализации, с которыми сталкиваются современные мусульмане. При этом отмечается, что «исламская мысль — это та мысль, которая обладает творческой способностью возродить и обновлять себя внутренне, а также обновлять окружающую ее реальность внешне, потому что это мысль, которая соответствует Божественному установлению (*суннат Аллахи*) во Вселенной»¹.

Большое место в исследовании занимает попытка осмысления истории обновленческого движения в исламе в XX–XXI вв., в частности, кратко разбираются концепции Джамал ад-дина ал-Афгани (1839–1897), Мухаммада Абдо (1849–1905), Рашида Риды (1865–1935), Мухаммада Икбала (1877–1938), Абу ал-Ала ал-Маудуди (1903–1979), Али Шариати (1933–1977), Мухаммада ал-Бахи (1905–1982), Хасана ат-Тураби (1932–2016), Ахмада Камала Абу ал-Маджида (1930–2019), Мунира Шафика (р. 1934) и Ридвана ас-Сайида (р. 1949)².

При этом отмечается, что, несмотря на широкий спектр обновленческих концепций XX в., они все же не привели к позитивному изменению богословского дискурса, а напротив, некоторые из них стали причиной распространения экстремистских идеологий на стыке тысячелетий.

Причины этого, по их мнению, кроются в четырех факторах. Во-первых, в колоссальном разрыве между эпохой зарождения обновленческого движения второй половины XIX в., когда основной проблемой мусульманского сообщества стали вызовы модерна и научно-технический прогресс, и его новой волны, начавшейся во второй половине XX в., когда на повестку дня в умме вышел вопрос сохранения идентичности. Во-вторых, секуляризм и европоцентричность социально-политической системы постколониальных арабских государств, в которых богословский дискурс вытеснялся и маргинализировался. Отсюда следует третий фактор — замыкание в этих условиях религиозных институтов внутри себя, выраженное в их отдалении от общественно-политических проблем и ограждении от любых внешних, прежде всего европейских, интеллектуальных влияний. И, наконец, четвертый — увлеченность интеллектуальных элит арабо-мусульманского мира западными философскими концепциями и их отстранение от переосмысления исламского наследия.

В работе предлагается оригинальная, хотя, на наш взгляд, и весьма спорная, периодизация концепта обновления в исламском мире в XX — начале XXI в. В ней выделяются следующие этапы:

1. До 1980-х гг. — отторжение концепта обновления как чужеродного продукта, навязываемого Западом и прозападными силами. Особенностью данного периода является нахождение исламского

¹ Фикх ал-азма: ал-ислам байна ал-мафахим ва ал-мусталахат. Т. 3. С. 194.

² О некоторых из этих богословов см.: *Мухетдинов Д. В.* Современные исламские мыслители М.: ИД «Медина», 2021.

богословского дискурса под влиянием двух событий: прекращения существования института халифата, произошедшего в 1924 г., и отказа от исламской идентичности и исламских институтов власти постколониальными арабскими государствами.

2. 1980-е гг. — осознание самими мусульманскими мыслителями, в частности Хасаном ат-Тураби¹, необходимости обновления богословского дискурса, описание природы и области применения этого процесса.
3. 1990-е гг. — импульсивное развитие обновленческого дискурса, характеризующееся появлением большого количества публикаций на эту тему, проведение научно-богословских конференций, учреждение научно-исследовательских организаций и журналов. Однако вторая половина этого периода была омрачена ростом активности салафитских и такфиристских группировок и приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»².
4. После 11 сентября 2001 г. — исламский богословский дискурс развернулся в сторону противостояния религиозному экстремизму.

Богословы сирийского Министерства вакфов предлагают свою концепцию обновления исламского богословского дискурса. Она позиционируется ими как срединная между крайностями тех, кто руководствуется только «современными философскими и лингвистическими подходами», и тех, кто чурается любого обновления, считая его отступлением от веры и ересью. Важнейшей основой обновления они объявляют умеренность (*васауийа*), которая проявляется в приоритете традиционного (*наклй*) над рациональным (*'ақлй*), но при этом в использовании последнего, включающего науку, опыт и чувства, для современной интерпретации Священных первоисточников и других религиозных текстов. В работе критикуется как западный подход, в котором рациональный материализм полностью сместил религиозные чувства, так и буквалистский подход к религии так называемых салафитов. При этом авторы защищают суфизм, считая большинство его разновидностей абсолютно соответствующими исламским принципам и даже весьма желательными для поднятия морали современного общества, однако указывают, что существует и много других направлений исламской мысли, поэтому нельзя ограничивать «истинный» ислам только приверженностью тасаввуфу.

Необходимое обновление, по мнению богословов министерства, должно соответствовать следующим принципам:

- ограничение определёнными сферами и правилами (*ихтиса́с*);

¹ Хасан ат-Тураби (1932–2016) — суданский религиозный и политический деятель, автор работы *Таджид ал-фикр ал-ислами* («Обновление исламской мысли»).

² Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года организация признана террористической и деятельность её на территории Российской Федерации запрещена.

- объективизм и отстраненность от порочных страстей;
- приверженность принципам (*усул*) и установлениям (*савабит*) ислама;
- признание ограниченности человеческого разума (*'акл*) и невозможности замены им Откровения (*вахй*);
- Целью обновления (*таджид*) должно быть улучшение (*ислаҳ*) богословского дискурса в умме;
- Обязательное следование правилам арабского языка при комментировании (*тафсир*) и истолковании (*та'вил*) религиозных текстов;
- Отстранение от богословско-правового решения (*хукм*), выведенного на основе одного источника (*насс*), при игнорировании других источников.

В работе также отмечается, что обновитель религии (*муджаддид*) помимо знаний, необходимых для ведения *иджтихāда*, и следования вышеупомянутым принципам должен также хорошо разбираться в вопросах современности, иметь безупречную биографию, в которой нет места приверженности нововведениям в вопросах ислама (*бид'а*), и снискать авторитет среди людей.

Авторы также предлагают и ряд конкретных мер, необходимых для того, чтобы поднять уровень исламского богословского дискурса в соответствии с вызовами современности:

1. Обновление учебных программ по исламскому богословию так, чтобы они способствовали формированию у учащихся просвещенного и умеренного мировоззрения, умения проводить различия между перманентными (*сāбит*) и вариативными (*мутагаййир*), общими (*куллийат*) и частными (*джуз'иййат*), основополагающими (*усул*) и производными (*фурӯ'*) положениями, а также навыка использования принципа учета приоритетов (*авлавийāt*) в пользу развития уммы.
2. Преподавание исламской культуры в общеобразовательных учреждениях, в программе которых будет говориться о важности исламской умеренности (*васатийа*), основанной на добре, милосердии, справедливости и равенстве, и ее применения в исламском законодательстве.
3. Все учреждения и органы власти в странах исламского мира должны учитывать высокую роль религии в жизни нации и ее различных народов, не противостоять исламскому дискурсу, не позволять говорить от имени ислама неквалифицированным спикерам и не ограничивать в деятельности носителей просвещенной исламской мысли.
4. Создание многоязычного спутникового канала, не принадлежащего какой-либо конкретной стране, миссия которого будет заключаться

в распространении правильных исламских принципов и подчеркивании доброты и милосердия ислама, сосредоточении внимания на принципе учета приоритетов (*авлавийāt*), умалении значения межмазхабических разногласий.

5. Защита образа ислама от преднамеренных искажений, осуществляемых западными СМИ, современными способами, без эмоций, разговоров о победах и ссорах друг с другом, через доказательство преимуществ исламской культуры перед западной.

Принципы гражданственности (*мувātана*) согласно исламу

В качестве примера рассмотрим одно из исследований, которое, на наш взгляд, во многом вбирает в себя основные черты всего концепта кризисного богословия. Это исследование о принципах гражданственности (*мувātана*) в исламе.

Как это принято в мусульманской традиции, оно начинается с языкового разбора понятия. Сперва авторы, со ссылкой на средневековых лингвистов Ибн Фариса и Ибн Манзура, дают определение слову *ватан*, трактуя его как место жительства и пребывания человека. Производная от этого корня IV порода *автана* «избирать местом жительства (*ватан*)», по их мнению, стала основой для слова *мувātана* (хотя это странно, так как это масдар III породы *вātана* «жить с кем-то на одной родине, быть согражданами»). Поэтому, *мувātана* — это то, что возникает между общностью людей, избравших для себя одно и то же место жительства. У него с точки зрения языковой семантики есть три составных элемента: 1. Определённая территория. 2. Общность проживающих на ней людей. 3. Наличие связей, построенных на взаимоуважении.

Далее дается экологическое определение понятия *мавтин* как ареала проживания общности людей, а *мувāтин* — как того, кто созидает вместе с другими членами этой общности людей в границах одной территории. Из этого, наконец, заключается, что *мувātана* — это соучастие в проживании и пребывании на определённой территории, вне каких-либо политических или правовых связей между индивидуумом, местом и общностью. Авторы особо подчеркивают, что ранее арабы понимали государство (*давла*) не в политическом или правовом значениях, а исключительно лишь в рамках границ определенной территории.

В следующем подразделе рассматривается терминологическое значение понятия гражданственности на основе анализа соответствующих статей из энциклопедий Британика и Кольера (*citizenship*). Отмечается, что в европейской науке существуют различия в определении гражданственности, однако в данном исследовании авторы рассматривают его

в значении совместного проживания, основанного на свободе, справедливости и уважении.

Переходя к рассмотрению этого понятия в исламской традиции, идеологи *Фикх ал-азма* указывают на отсутствие самого слова *мувātана* в классических текстах, однако о том, что под ним подразумевается, говорится даже в Священных первоисточниках.

В первую очередь они рассматривают аят **«О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый почитаемый перед Аллахом среди вас — наиболее богобоязненный»** (Коран, 49: 13)¹. В нем, на их взгляд, есть указание на то, что расовые, этнические и языковые различия были установлены самим Создателем. При этом концовка аята предостерегает от любых форм национального и расового превосходства, о чем также говорится в хадисе: «Араб не имеет никакого превосходства над неарабом, и неараб не имеет никакого превосходства над арабом; белый не имеет никакого преимущества перед чёрным, чёрный не имеет преимущества перед белым; (никто не имеет превосходства над другим), кроме как в благочестии» (Ахмад, 23489).

Далее рассматривается аят: **«Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения. Кто не верует в тагута, а верует в Аллаха, тот ухватился за самую надежную рукоять, которая никогда не сломается. Аллах — Слышащий, Знающий»** (Коран, 2: 256). Со ссылкой на Табари цитируются 2 предания об обстоятельствах его ниспослания, в которых сообщается, что он был ниспослан в связи с вопросом некоторых новообращенных мусульман, чьи дети оставались христианами или иудеями. На основе этого авторы делают вывод о полной религиозной свободе в исламе.

Третьем пунктом в анализе коранических аятов идут: **«Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с ними наилучшим образом. Воистину, твой Господь лучше знает тех, кто сошел с Его пути, и лучше знает тех, кто следует прямым путем»** (Коран, 16: 125) и **«Воистину, кто-то из нас на верном пути, а кто-то — в явном заблуждении»** (Коран, 34: 24). Здесь авторы усматривают указание на мудрое и доброе увещание, а также объективность во время диалога.

В заключение цитируются аяты **«Аллах не запрещает вам быть добрыми и справедливыми с теми, которые не сражались с вами из-за религии и не изгоняли вас из ваших жилищ. Воистину, Аллах любит беспристрастных»** (Коран, 60: 8) и **«Воистину, Аллах велит вам возвращать вверенное на хранение имущество его владельцам и судить по справедливости, когда вы судите среди людей. Как прекрасно то, чем**

---

¹ Здесь и далее мы использовали перевод Корана Э. Р. Кулиева: Коран. Перевод смыслов. Новый перевод Э. Р. Кулиева. М.: ЭКСМО, 2020.

увещевает вас Аллах! Воистину, Аллах — Слышащий, Видящий» (Коран, 4: 58). На их основе авторы выводят два основополагающих правила взаимоотношения со всеми людьми — доброта (*бирр*) и справедливость (*'адл*).

В разделе доказательств из *Сунны* приводится 5 групп хадисов:

1. «Люди одинаковы, как зубчики расчески и могут превосходить друг друга только в поклонении Богу (*'ибада*)» (Ибн Асакир, но хадис слабый); «Араб не имеет никакого превосходства над неарабом, и неараб не имеет никакого превосходства над арабом; белый не имеет никакого преимущества перед чёрным, чёрный не имеет преимущества перед белым; (никто не имеет превосходства над другим), кроме как в благочестии» (Ахмад, 23489); «Поистине, Аллах не смотрит ни на ваш внешний облик, ни на состояние, однако Он смотрит на ваши сердца и ваши деяния» (Муслим, 2564), а также «Все вы — дети Адама, а Адам — из праха» (Баззар, 2938). Из них делается вывод о равенстве всех людей.
2. «Мусульмане соучаствуют в трех вещах — воде, огне и корме» (Абу Давуд, 3477).
3. Договор Пророка с епископом Наджрана, в котором письменно гарантировалась защита всем церквям и монахам, их богослужебным практикам»¹.
4. Слова халифа Али ибн Аби Талиба ворвавшимся в мечеть хариджитам о том, что у них нет права выступать против него, до тех пор пока он не будет запрещать им посещать мечети для того, чтобы поминать в них имя Аллаха, не запрещает им получать добытые совместно трофеи и не собирается сражаться с ними, пока они первые не выступят против него.
5. Мединский договор между мухаджирами, ансарами и иудеями, где последние называются частью одной уммы с уверовавшими, которые сохранят свою религию.

Далее авторы прилагают эти положения первоисточников к реалиям современного общества, выделяя 4 основных пункта:

- свобода исполнения религиозных обрядов;
- соблюдение собственных религиозных законов в вопросах брака, развода и наследства;
- равенство в правах с большинством;
- отсутствие понятий *джизья*² и *зимми*³ в современном государстве, ибо они основаны на общественном договоре между его сынами, подобно тому общественному договору, который был заключен в Медине

¹ Русский перевод см.: Уотт М. Мухаммад в Медине. М. — СПб.: «Диля», 2007. С. 395.

² Джизья — подушная подать с иноверцев (*зимми*) в исламских государствах, при этом мусульмане обязаны выплачивать закат и другие виды налогов.

³ Зимми — немусульманское население в исламских государствах.

после переселения Пророка или определялся в его письме к епископу Наджрана. В этих пророческих документах ничего не говорится о *джизье* и *зимми*. Эти понятия, по мнению авторов, в исламе применяются только во время военных действий в качестве гарантий.

В заключение приводятся основные принципы гражданственности в исламе:

- Единение вокруг территории.
- Единение вокруг политического руководства.
- Равенство в правах и обязанностях.
- Всеобщий дух взаимопомощи и сотрудничества между всеми гражданами.
- Справедливость и отсутствие притеснений и насилия между ними.
- Свобода мысли, убеждений и образа жизни, если это не причиняет вреда другим.

Заключение

Фикх ал-азма не представляет собой целостную богословскую концепцию с какой-то особой методологией. Несмотря на то большое внимание, которое уделяется необходимости следования мазхабу и апологетике суфизма, методика, аргументация и приводимые источники представленных в четырехтомнике исследований не являются классическими богословско-правовыми изысканиями в рамках мазхабной традиции, а во многом отражают позицию современного фикха приоритетов (*авлавийāt*) и целей шариата (*мақāсид*).

В большой степени это сборник разрозненных, иногда даже противоречащих друг другу позиций (например, по шиитам или джизье) богословско-правовых заключений по ряду актуальных для современного сирийского общества вопросов. При этом некоторые главы написаны в публицистическом, а не исследовательском жанре. В связи с чем возникает вопрос о целевой аудитории этой работы — для широкой публики она достаточно сложна и объемна, для специалистов — слишком эмоциональна и компилятивна. Вероятно, ее основная аудитория — приходские имамы, для которых она может служить справочником для ответов на актуальные вопросы прихожан и проповедей.

Несомненно, что большинство рассмотренных в четырехтомнике тем весьма актуально и для современного российского мусульманства, однако нельзя не отметить, что отечественные теологи также сформулировали подобные концепты, которые, на наш взгляд, являются во многом более целостными, структурированными и обоснованными¹.

¹ См., например: *Гайнутдин Равиль*. Ислам в XXI в., или Как жить мусульманину по Корану в России. М.: Исламская книга, 2009; *Гайнутдин Равиль*. Ислам. Вероучение, поклонение, нравственность, закон. М.: ИД «Медина», 2020; *Гайнутдин, Равиль*. Рисала. Мавадда ва рахма. О морали

Литература

Enayat, H. Islam and Socialism in Egypt // Middle Eastern Studies. 1968. № 4 (2). Pp. 141–172.

Grinin L. Islamism and Globalization // Journal of Globalization Studies. 2019. № 2. Pp. 21–36.

Lewy G. The Egyptian Revolution: Nasserism and Islam. A Study in Comparative Politics and Religion. Technical Report # 5. March 1968.

Osman T. Islamism: What it Means for the Middle East and the World. New Haven: Yale University Press, 2016. 328 p.

Volpi F., Stein E. Islamism and the state after the Arab uprisings: Between people power and state power // After the Arab Uprisings. London: Routledge, 2016. Pp. 276–293.

Гайнутдин Равиль. Ислам. Вероучение, поклонение, нравственность, закон. М.: ИД «Медина», 2020. 848 с.

Гайнутдин Равиль. Ислам в XXI в., или Как жить мусульманину по Корану в России. М.: Исламская книга, 2009. 142, [1] с.

Гайнутдин, Равиль. Рисала. Мавадда ва рахма. О морали и добродетели. М.: ИД «Медина», 2022. — 200с.

Ибрагим Т. К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. М.: ИД «Медина», 2015. 571, [4] с.

Коран. Перевод смыслов. Новый перевод Э. Р. Кулиева. М.: Эксмо, 2020. 848 с.

Мухетдинов Д. В. Вклад Юсуфа ал-Карадави в современный исламский дискурс // Ислам в современном мире. 2018. № 3. С. 57–72.

Мухетдинов Д. Российское мусульманство: в поисках политической субъектности. М.: ИД «Медина», 2021. 360 с.

Мухетдинов Д. В. Современные исламские мыслители. М.: ИД «Медина», 2021. 452 с.

Мухетдинов Д. Теология обновления. Исламский неомодернизм и проблема традиции. М.: ИД «Медина», 2023. 736 с.

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Сер. 12: «Политические науки». 2013. № 4. С. 30–56.

Уотт У. М. Мухаммад в Медине. М. — СПб.: «Диля», 2007. 478, [1] с.

Фикх ал-азма: ал-ислам байна ал-мафаихим ва ал-мусталахат. Дамаск, 2014. Т. 1. 318 с.; Т. 3. 382 с.

и добродетели. М.: ИД «Медина», 2022; *Ибрагим Т. К.* Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. М.: ИД «Медина», 2015; *Мухетдинов Д.* Российское мусульманство: в поисках политической субъектности. М.: ИД «Медина», 2021; *Мухетдинов Д.* Теология обновления. Исламский неомодернизм и проблема традиции. М.: ИД «Медина», 2023.

References

- Enayat H. (1968). Islam and Socialism in Egypt. *Middle Eastern Studies*. No. 4 (2). Pp. 141–172.
- Grinin L. (2019). Islamism and Globalization. *Journal of Globalization Studies*. No. 2. Pp. 21–36.
- Lewy G. (1968). *The Egyptian Revolution: Nasserism and Islam. A Study in Comparative Politics and Religion*. Technical Report # 5. March 1968.
- Osman T. (2016). *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven: Yale University Press. 328 p.
- Volpi F. & Stein E. (2016). Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. *After the Arab Uprisings*. London: Routledge. Pp. 276–293.
- Gainutdin Ravil'. (2020). *Islam. Verouchenie, poklonenie, npravstvennost', zakon* [Islam. Creed, Worship, Morality, Law]. Moscow: Medina. 848 p.
- Gainutdin Ravil'. (2022). *Risala. Mawadda wa rahma. O morali i dobrodeteli*. [Risala. Mawadda wa Rahma. About Morality and Virtue]. Moscow: Medina. 200 p.
- Gainutdin Ravil'. (2009). *Islam v XXI v., ili kak zhit' musul'maninu po Koranu v Rossii* [Islam in the 21st Century, or How to Live a Muslim According to the Qur'an in Russia]. Moscow: Islamskaya kniga. 142 [1] p.
- Ibragim T. K. (2015). *Koranicheskiei gumanizm. Tolerantno-pluralisticheskie ustanovki* [The Quranic Humanism. Tolerant and Pluralistic Attitudes]. Moscow: Medina. 578, [4] p. (In Russ.)
- Koran. Perevod smyslov. Novyi perevod E. R. Kulieva* [The Qur'an. New Semantic Translation in Russian by E. R. Kuliev]. Moscow: Eksmo, 2020. 848 p.
- Mukhetdinov D. V. (2018). Vklad Yusufa al- Qaradawi v sovremennyi islamskii diskurs [Yusuf Al-Qaradawi's Contribution to Modern Islamic Discourse]. *Islam v sovremennom mire*. No. 3. Pp. 57–72.
- Mukhetdinov D. V. (2021). *Rossiyskoe musul'manstvo: v poiskah politicheskoy sub'ektnosti* [Russian muslims: in Search of Political Subjectivity]. Moscow: Medina. 360 p.
- Mukhetdinov D. V. (2021). *Sovremennye islamskie mysliteli* [Modern Islamic Thinkers]. Moscow: Medina. 452 p.
- Mukhetdinov D. (2023). *Teologiya obnovleniya. Islamskii neomodernizm i problema traditsii* [The theology of Renewal. Islamic Neo-Modernism and the Problem of Tradition]. Moscow: Medina. 2023. 736 p.
- Naumkin V. V., Kuznetsov V. A. (2013). Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme [The Islamic World and Islamic Organizations in the Modern World Political System]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. No. 4. Pp. 30–56.
- Wott M. (2007). *Mukhammad v Medine*. [Muhammad at Medina]. Moscow: Dilya. 478 [1] p.
- Fiqh al-azma: al-islam bayna al-mafakhim wa al-mustalakhat*. Damascus, 2014. Vol.1. — 318 p.; 2014. Vol.3. — 382 p. (In Arabic)

FIQH AL-AZMA: CRISIS MANAGEMENT OF THEOLOGICAL DISCOURSE IN SYRIA

Abstract. In the context of the ongoing civil war in Syria, the official Muslim clergy of the country, represented by the Ministry of Waqf Affairs, has developed a number of theological and legal resolutions on the most pressing issues, united by the common names *Fiqh al-Azma* (“crisis theology”). They pay special attention to the issues of criticism of takfirism, non-denominationalism, nationalism, explaining the meaning of *jihād*, the prohibition of riots and revolutions, the religious legitimacy of the national state, interreligious and interfaith dialogue and collaboration within one country, the differentiation of the concepts of Islamic politics and political Islam. This study analyzes the sources and methodology of constructing this theological concept, which, according to the developers themselves, is an example of a moderate renewal (*tajdīd*) of Islamic theological discourse, the main purpose of which is to confront *Fiqh al-Fitnah* “theology of turmoil” preached by various extremist groups. The paper also examines an example of one of the most original studies — on the principles of citizenship (*muwāṭana*) according to Islam, which largely incorporates the main features of the entire concept of Syrian crisis theology.

Keywords: Fiqh al-Azma, Islam and politics, Islam in Syria, state-Islamic relations, Islamic theology.

Islam A. ZARIPOV,

Cand. Sci. (Hist.), senior researcher, Centre for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation).
E-mail: islamzarif@gmail.com

